

Оксана Панова

Страна Моллания

Оксана Панова

Страна Молчания

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48474306

Страна Молчания: Общественная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; Астрахань; 2019

ISBN 978-5-6043130-0-8

Аннотация

Наверное, сказки любят все – и дети, и взрослые. Не важно, сколько тебе лет, ведь в любом возрасте приятно помечтать, что справиться с трудностями тебе помогут мудрые и добрые маги, а волшебное голубиное пёрышко перенесет тебя в чудесную страну. Но эта книга не только для детей. Здесь и родителям есть над чем задуматься: всегда ли хорошо живётся ребёнку в семье, правильные ли отношения связывают самых близких людей...

Содержание

Страна Молчания	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	47
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Оксана Панова

Страна Молчания

© Оксана Панова, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

* * *

*Жила-была девочка, и звали её...
Вообще девочку хотели назвать Яна, а потом Вероника,*

но выбрали имя Оксана, так как её маме очень нравилась героиня из одного военного фильма с этим именем.

Вы думаете, сказка на этом закончилась? А вот и нет!

Девочка выросла, выучилась на педагога-психолога и пришла работать в детский сад, где заведующей была её мама.

Вскоре мама умерла, и девушка очень горевала.

Но в одном из сновидений к ней явилась мама и спела ласковую песню со словами:

«Сказка жива,

Была и будет.

Детское сердце не забудет,

А обо мне печалиться не надо...»

С той поры девушка сочиняет сказки...

Мой милый читатель! Ты можешь верить в эту волшебную историю, а можешь подвергнуть сомнениям, но я поделилась с тобой самым сокровенным.

Первая моя книга посвящена родителям – Ирине Петровне и Виктору Егоровичу Пановым. Ту, которую вы сейчас держите в руках, я посвящаю своим сыновьям Даниилу и Денису.

Страна Молчания

Глава 1

С этим заданием, которое Борька получил от Мага Мысли, пришлось изрядно повозиться.

Время подходило к обеду, и он с тоской выглядывал в раскрытое окно, наблюдая, как довольные Алекс и Глэндэн вприпрыжку направлялись к Ангеликам. Выполненные задания принимались помощниками магов в Лучистом кабинете. А невыполненные вообще не принимались. Вдобавок, к ним давались дополнительные, и потруднее, чем предыдущие. Сегодняшнее задание нужно сдавать Заботушке и Уморе. Борька почесал в затылке: «Не успеет, как пить дать не успеет!»

На вид Ангелики все до одного – приветливые и сердечные. Борька даже предполагал разжалобить их и упротить вступить за него перед Магами. Но здесь хитростью не взять – не дома. Безысходность положения действовала удручающе. Наглухо задёрнув шторы, тихонечко застонал.

Портьеры цвета пенки клубничного варенья, выбранные им сегодня, просвечивали и не давали сосредоточиться. Плюхнувшись на стул, он вновь взялся за карандаш, которого, кстати, становилось всё меньше и меньше. Как только

карандаш исчезнет, Борька обязан предстать перед Магом Мысли.

Мальчуган передёрнул плечами: что-то эта картина его совсем не привлекала, надо брать подсказки. Он потянул за шнурок, появившийся прямо перед глазами, лишь о нём подумали, и, не мигая, упёрся глазами в стол. Уж сколько раз видел, как превращается столешница в экран, а всё равно завораживает.

Возникший на экране Лупоглазик, хитро подмигнув, спросил:

– Что, не справляешься?

Мальчишка, в ответ скривив рожицу, показал ему листок.

– Почему я обижен на родителей? – прочитал большеглазый человечек и присвистнул: – Ого, серьёзно проверяют! Чем хочешь воспользоваться?

На экране появились многочисленные соты, и только три из них были даны Борьке для помощи.

– Да ты чего, – возмутился он, – тут и выбирать нечего! Сам говоришь – всё серьёзно, а ресурсов не дали для решения задачи. Нечестно!

– Мое дело маленькое, – обиженно скривился Лупоглазик. Борька заискивающе улыбнулся:

– А очки можно? Я бы очки взял!

Человечек хмыкнул:

– Не положено. Ишь, какой умный. Может, ещё Малахитовые попросишь?

Борька совсем приуныл: вообще ничего не подходит. Что же ему может помочь: крылья, акварель, скрипка? Он несильно постучал кулачком по лбу. «Думай, голова, думай! Я тебя что, просто так на плечах ношу, тяжесть такую?»

Лупоглазик, наблюдая за его самоистязаниями, зажал рот рукой, чтобы смех не вырвался наружу.

– Ох ты! – Борька перестал себя колотить и замер. Подсказка лежала на поверхности. «Тяжёлое, говоришь, задание, – пронеслась мысль, – так облегчи его!»

– Я выбираю крылья, – твёрдо произнёс мальчишка.

Лупоглазик прекратил смеяться, и экран потух. На его месте появились серебряные крылья. Борька схватил тающий прямо на глазах карандаш и обвёл их по контуру. И тут же почувствовал за спиной два невесомых блестящих крыла. Он взобрался на стул, отдернул штору, широко взмахнул и вылетел в окно. Крылья уносили его всё выше и выше в небо. В лицо дул тёплый карамельный ветер.

Борька открыл рот и губами схватывал сладкие порывы. Ветер стих, и на нос упали первые капли дождя, он высунул язык, чтобы слизать с кончика носа дождевую каплю, и, проглотив, широко улыбнулся. Зефирный дождь пришёлся по вкусу и оказался прекрасным дополнением к карамельному ветру.

Подошло время погрузиться в чувство обиды. Мальчик закрыл глаза, возник образ папы и мамы, их ссоры, мамино страдальческое лицо и жалобное повизгивание Коржика,

прячущегося в шкафу-купе. Пёс не переносил повышенных тонов и сразу бежал в укромное местечко. Когда Борька был маленький, он прятался там вместе с Коржиком. Сейчас ему одиннадцать, и в шкафу от проблем не скроешься.

Борька давно перестал вступать в ссоры родителей. Правда, сначала пытался разобраться, в чём их суть. И кто же здесь прав, а кто виноват? Но, послушав сначала маму, а потом папу, запутывался ещё сильнее. Спасали в таких случаях наушники. Звуки из гостиной теперь не долетали до него.

В один из таких ненавистных дней папа, как всегда, без разрешения, вошёл к нему в комнату и, сняв с него наушники, язвительно спросил:

– Вот скажи мне, сынок, что, я не прав, когда говорю, что мама о нас думать забыла? Другие семьи как семьи! Жена – дома. А мамка твоя всё по танцулькам бегает. Не напляшется она. Ты вот спроси, спроси её! – настаивал отец, поминутно оглядываясь за спину и убеждаясь, что мама слышит его. – Нужна ей семья или нет?

Борька тяжело вздохнул и посмотрел на отца. Его обвинения повторялись из раза в раз. Ничего нового. Мама присела на тахту и беззвучно плакала. Папа продолжал наседать:

– А йога твоя мне уже поперёк горла стала! Все мужья с жёнами вместе. Вместе в гости, вместе в лес, а ты – на фестивали медитировать! С кем медитируешь, с мужиками, поди?

Мама внезапно соскочила с тахты, и, замахнувшись на отца кухонным полотенцем, истошно закричала:

– Не смей говорить обо мне гадости! Я всё это время жила только для вас... А когда я о себе подумаю?

Вдруг в Борькиной голове появился нестерпимый гул, нарастающий с каждой минутой. И так сильно разболелись уши, что он неожиданно взвыл и, зажав их двумя руками, что есть силы прокричал:

– Прекратите, я хочу, чтобы вы замолчали навсегда!

В ту же минуту в глазах замелькали разноцветные пятна, а дальше Борька не помнил ничего. Очнулся он уже в Волшебной стране, где пребывает почти полгода и уезжать отсюда не собирается. Правда, это не в его власти. Борька вздохнул: «Хорошо бы остаться здесь навсегда!» Он знал, что Маг Мысли сегодня заканчивает с ним работать и передаёт Магу Дела.

Магов в стране только два. И их с лихвой хватает! Встречи с ними нечасто, только по особым случаям. Когда задания не выполняются в положенный срок. В человеческом облики Маги не предстают. Они могут превратиться в могучее дерево, в горную реку или в колодец с родниковой водой. Один раз Борька разговаривал с пшеничным полем. Стоял посреди золотистых колосьев и холодел от голоса, раздающегося над простором. Их могущество и мудрость вызывали неподдельное восхищение! Долго он привыкал к перевоплощениям Магов. Побаивался даже поначалу, потом привык.

Борька сделал очередной взмах крыльями и посмотрел вниз. Прямо под ним был его дом. Признаться, меньше все-

го на свете ему хотелось очутиться там. «Маги, как всегда, изобретательны!» – отчаянно сопротивляясь, он сделал несколько быстрых взмахов, чтобы набрать высоту, но крылья не слушались его.

* * *

Женщина задумчиво размешивала ложкой сахар в кружке. Ложка брякала о стенки, и муж, бросив раздражённый взгляд, резко придвинул кружку к себе.

– Что? Опять в облаках витаешь?

– О сыне думаю.

– О-о-о, вспомнила! Ты же во всём виновата! Как хорошо жили, пока ты всё не разрушила...

Женщина потупила взгляд. Без сына одиноко. Она вспомнила, как они интересно проводили свободное время, – если его, конечно, удавалось найти, это время.

Внезапному исчезновению сына она не могла найти объяснения, да и никто не мог. Их по очереди вызывали в полицию, где составляли протокол за протоколом. «Доброжелательные» соседи нашептали молодому лейтенанту, который вел их дело, о семейных скандалах, и те предположили, что мальчишка бродяжничает.

Муж подозрительно смотрел на неё, ожидая очередной оплошности. Она медлила с ответом, за эти годы изучила его подстрекательства до мелочей, поэтому встала из-за сто-

ла и, молча смахнув крошки в ладонь, принялась мыть посуду. Даже спиной она чувствовала колючий взгляд мужа. Тот недовольно закричал и переключил внимание на собаку, мирно лежащую у своей миски на коврике.

– А ты тут чего ждёшь? Корма? А нет еды! Конечно, кто о тебе позаботится? Некому! Мамка-то не понимает, что ты голоден, – он махнул небрежно в её сторону рукой.

Пёс поднял голову и зарычал. Мужчина рассерженно подбоченился.

– Ишь ты, заступник нашёлся! Вот только подойди ко мне, попроси чего-нибудь! И гулять с тобой не пойду! Вон к любимице своей обращайся.

Собака опустила голову на лапы и прикрыла глаза.

– Игнорируешь? И ты туда же, – мужчина, шаркая тапками, ушёл в спальню, и оттуда ещё долго раздавалось недовольное брюзжание.

Женщина наклонилась к Коржику – маленькой, милой таксе – и погладила по голове. Тот тут же соскочил и, слабо твякнув, лизнул щёку.

– Гулять зовёшь? Ну, неси поводок. Пойдём тебе корм покупать.

В магазине, кроме корма, она прихватила ещё сливки и печенье к чаю, а заодно любимые тыквенные семечки. Дома грызть семечки не разрешал муж, без усталости напоминая, что это никчёмная и вредная привычка. Присев у подъезда на скамейку, она раскрыла пакетик. Тут же, откуда ни возьмись,

слетелись голуби.

«Как чуют своё лакомство!» – подумала женщина и, вынимая одну семечку за другой, кидала воркующим птицам. При этом придирчиво следила, чтобы каждому досталось поровну.

Необычный голубь, красивого серебряного окраса, привлек внимание. Вёл он себя отстранённо, в гущу не лез, а стоял в стороне и чистил клювом пёрышки. Она бросила в его сторону несколько семечек, но голубь не успел к ним даже подлететь, другие птицы оказались проворнее.

– Ах вы негодники, наелись ведь, так дайте другим! Кыш! – и энергично замахала руками.

Голуби испуганно разлетелись в разные стороны. Серебряная птичка осталась на том же месте и улетать не спешила. Женщина вытряхнула из пакетика последние семечки на асфальт. И оторопела от удивления! Голубь, не склевав ни одного, взял в клюв зёрнышко, и, вспорхнув, опустился ей на ладонь. Оставив его, голубь улетел.

Проводив его взглядом, она ахнула – тыквенная семечка превратилась в драгоценный агат!

– Такого не может быть! Это чей-то фокус! А голубь, возможно, из цирка! – она покрутила головой, но птицы и след простыл.

На асфальте остались лежать два маленьких серебряных перышка.

* * *

Борька, не останавливаясь, строчил огрызком карандаша, а тот продолжал неумолимо уменьшаться. «Отчего же вдалеке обида сильна и велика? – писал он. – Но ты пытаешься всех убедить, будто её нет. А увидел маму, и обида просто сдулась, как воздушный шарик. Значит, «обида» – это не просто слово. Оно имеет форму, размер и обладает силой убеждения, а значит, оно живое! Я должен повелевать обидой, а не она мной!»

Он нарисовал огромный черный вулкан с извергающейся лавой, будто это не воронка, а искаженный злостью рот, а лава – гадкие, режущие слух слова, сметающие всё живое на своем пути! Рядом с вулканом пририсовал вихрастого мальчика с дирижерской палочкой. В конце, где необходимо было указать свои действия, размашисто написал: «Хочу простить» и поставил жирный восклицательный знак. Выбрал алого цвета самозапечатывающийся конверт и выскочил из комнаты.

Влетев в самую последнюю минуту в Лучистый кабинет, он с надеждой протянул конверт Заботушке. Ангелик, нахмурившись, показал на потолок. Там короткий солнечный луч указывал на цифру «два», а длинный луч вот-вот должен

присоединиться к цифре «двенадцать».

– Ну, ещё одна минута! Я ведь не опоздал! – вскричал он.

И это было последним, что он успел сказать. Кабинет превратился в сияющий тёплый шар. Он стоял в самом центре шара, и ласковые лучи приятно обволакивали его. «Радоваться особо нечему», – понимал Борька. Он не раз проходил через этот хитрый приём Ангеликов. Или он сейчас окажется перед Магом, или... на сей раз пронесёт. Зажмурив глаза, шептал лишь одно:

– Пожалуйста, ну пожалуйста...

Мальчишка осторожно приоткрыл один глаз, затем второй. Убедившись, что так и остался в кабинете, а Умора и Заботушка «испарились», Борька, радостно вскрикнув, ринулся прочь.

Есть хотелось жутко, живот призывно урчал, и ноги сами собой несли к озеру, где располагалось кафе со смешным названием «Нямка». Это дома он мог перехватывать на ходу, пока родители на работе. Контролировать некому. А тут есть нужно вовремя, правильно и с удовольствием. И никто с тобой не церемонится.

Когда Борька перенёсся неожиданным образом в Волшебную страну, он и представить не мог, что его ожидает! Всю первую неделю его окружали Ангелики: Заботушка и Печалька. Терпеливо выслушивали каждодневные излияния его души на ужасную, как он тогда предполагал, жизнь дома. Хотелось реветь, и он не стеснялся своих чувств. Печалька

и Заботушка плакали вместе с ним. К вечеру он еле доходил до кровати, падал не раздеваясь как подкошенный и тут же засыпал.

На следующей неделе его передали в руки Уморе и Бедовому. С Уморой они хохотали все дни не останавливаясь. Борька даже не представлял, что такое возможно! От смеха болел живот, скулы, текли слёзы. Он падал на спину, дрыгал ногами, катался по полу, держась за живот, когда смотрел, как Умора показывал клоунскую сценку. Смеялся, плюхаясь с разбегу в стог сена. Смеялся, гоняясь за бабочками по полю. Пел весёлые частушки и смеялся! Бегал по лужам босиком и смеялся! Жонглировал любимыми слоёными трубочками и умирал со смеху!

Бедовый поначалу показался сумасшедшим. Не спрашивая согласия, запихнул Борьку в вертолет прямо на место пилота и заставил самостоятельно совершить полёт. А ещё предложил пройти прямо по воде, как будто он не человек, а насекомое водомер. Услышав такое, Борька хотел покрутить пальцем у виска: «Что он, чокнутый – такое предлагать?»

Но в том и была суть задания: проверить, кто сильнее – ты или твой страх? Страх – тяжёлая ноша, – утонешь, а нет страха – ты лёгкий как пух, а значит, не пойдешь ко дну. Когда Борька, скользя по водной глади и немея от собственного всемогущества, вступил на берег, то разразился восторженным воплем.

Третья неделя оказалась самой сложной. Его учили мол-

чать и проживать каждый миг, осознавая себя. Помогать взялись Стыдобушка и Умник. Постоянно молчать трудно. Голова, казалось, сейчас лопнет от воспоминаний, которые лезли, как назло, не переставая. И чаще всего неприятные... Однако Ангелики их распознавали и «блокировали». Как? А Борька и сам не сразу сообразил.

В Стране Молчания принято обниматься. Да так, чтобы слышать биение сердца друг друга. И вот через объятия Ангелики управляли мыслями и эмоциями. Во благо, конечно, ребятам.

Молчать Борьке понравилось только к концу недели. Он наконец-то научился слушать свое дыхание, различать цвет настроения и необычным образом определять, что у человека в душе творится.

Лицо может слукавить, а глаза не врут. Вот смотришь в глаза человеку, а слышишь музыку! Не зря говорят: «душа поёт». А глаза и есть зеркало души...

Как только разрешено было вновь разговаривать, он тут же познакомился с Алекс и Глэндэн. Алекс сразу приглянулась ему. Чёрные, длинные, прямые волосы всегда собраны в тугий хвостик. Лицо с мягкой полуулыбкой и ямочкой на правой щеке притягивало мальчишеские взгляды. Чаще всего Алекс проводила время на теннисном корте. Её цветастые юбочки в складку и острые коленки, хоть и стыдно было в этом признаться, нравились ему. И под предлогом ученичества Борька решил подружиться. Девочка за обучение взя-

лась всерьез, и уже через два месяца он так отбивал мячи, словно тренировался не один год.

Глава 2

Алекс подтянута и немногословна, а Глэндэн – полная ей противоположность. Весёлая, быстрая и похожая на белого барашка. Её кудряшки смешили Борьку. Когда девочка бежала или быстро шла – а по-другому она не умела, – кудряшки на её голове подпрыгивали в такт.

Девчонки прибыли в страну одновременно и находились здесь почти четыре месяца. Борька в первую встречу одолел их расспросами. От них, кстати, он и узнал о Магических очках.

Были они трёх цветов: Малахитовые, Розовые и Рыжие. Заведовали очками Лупоглазики. Чудные человечки, но вредные – жуть! Выдавались очки в исключительных случаях с разрешения Магов. Самыми значимыми считались Малахитовые, но их заполучить почти никому не удавалось. Розовыми очками Борька воспользовался – на теме «Дружба». Вот где он с треском провалил задание!

Очки дали ему специально, чтобы сбить с толку, и он, надеявшись на них, согласился. Нет чтобы сразу почувствовать подвох – коль розовые, значит, запутают окончательно. Поэтому он, если честно, даже побаивался этих необычных, с непредсказуемой силой предметов.

Борька сидел за столиком и изучал сегодняшнее меню. И это тоже непросто. Если ты читаешь названия блюд и пред-

ставляешь себе, как они выглядят, – то автоматически они уже выбраны. В итоге столик может быть уставлен кучей тарелок с разной едой. Съесть в один присест, конечно, невозможно. Вообще с воображением здесь шутить нельзя...

За столик под села Алекс:

– Отвлекаю? Может, помочь? – участливо спросила она. – Я знаю, какую еду надо съесть, чтобы набрать больше баллов.

– Нет, я сам, – отказался Борька и, смягчившись, добавил: – Ты просто так посиди, мне приятно твоё присутствие.

Алекс, ничуть не смутившись, села напротив. Борька поведал всю произошедшую с ним историю. Девочка слушала открыв рот и не перебивала до конца рассказа.

– Вот, теперь думаю про Мага Дела. Чувствую, придется мне попотеть для возвращения домой. Ещё вчера не хотел, а сейчас невтерпёж.

– Как ты думаешь, твои родители смогут больше не ругаться?

– Я больше всего на свете этого желаю.

– Да... – тихонечко произнесла Алекс. – Я тоже мечтаю полюбить папу как прежде, но пока не получается.

* * *

Мамы уже нет так давно, что она стала забывать её голос, и это Алекс огорчало. Скоро она забудет и ласковые прикосновения, и милые, немного наивные детские песенки, из ко-

торых она, безусловно, давно выросла, но слушала бы в мамином исполнении вновь и вновь.

Мамочке было всего сорок лет. Так мало отмерено! Предчувствуя это, она жила самозабвенно и жадно. Алекс пошла характером в маму и старалась во многом подражать. За что бы мама ни бралась – доводила до совершенства. От рождения имея прекрасный голос, добилась приглашения в столичный театр на главную роль в мюзиклах.

Впервые попав на премьеру музыкального спектакля, Алекс, неумело сдерживая волнение, так измяла программку, что та превратилась в истертый до дыр листок. Но как только мама запела, все переживания разом схлынули. Глубокий грудной голос завораживал. Девочка очнулась от рукоплескания в зале и, присоединившись, так сильно хлопала в ладоши, что они покраснели. Она дула на «обожжённые» пальчики и радовалась такой приятной боли. Её так и порывало сорваться с места, побежать на сцену и обнять маму. Но дождалась, пока занавес опустится, и вместе со всеми чинно прошла в святую святых – за кулисы.

О-о-о, сюда пускали только избранных, и она в их числе! У Алекс захватило дух. Вот и мама, окружённая толпой поклонников, она с улыбкой принимала цветы и поздравления. К горлу подступила тошнота, и пол отчего-то закачался. Она целый вечер сочиняла поздравительные слова, но они вылетели из головы. Из глаз брызнули слезы. Увидев плачущую дочку, мама протиснулась к ней и увела в примерную. Тогда,

под впечатлениями от маминого выступления, Алекс записалась в драматическую студию.

Спустя год мама уже не могла выходить на сцену, и ей предложили работу редактора. Мама согласилась. Об уходе из театра она не желала слышать. И всякий раз сердилась на папу, когда он намекал о «заслуженном отдыхе». И всё было бы замечательно, если бы не одно «но».

Сколько Алекс себя помнит, папа всегда находился в состоянии влюблённости, да только не в маму. Пропадая днями и ночами на ответственной работе, умудрялся уделять внимание всем женщинам, кроме собственной супруги. Это злило девочку, и не раз она становилась свидетелем неприятных разбирательств. Однако, принимая сторону мамы, жалела и отца.

Сердце маленькой девочки разрывалось на части. Ночами она долго лежала, уставившись на маленький ночник в виде глобуса, и рисовала картины благополучной семейной жизни. Будто они живут на необитаемом острове. И так им хорошо! Все ценят внимание друг друга, ведь его больше некому уделять. Мама, наверное, создавала бы картины из диковинных цветов, или нет, шила туфельки из рыбьей чешуи. Папа научился бы из морских раковин и кораллов делать кольца и браслеты и украшал ими любимых женщин, а не чужих тётенек! Алекс тяжело вздыхала и, утыкаясь носом в подушку, плакала. Это были только мечты.

Со временем состояние мамы ухудшалось, и её болезнен-

ный вид не радовал отца. Не стесняясь, он открыто разъезжал с другими женщинами по домам отдыха, встречался в кафе, на презентациях.

Жалостливые взгляды, которые Алекс ловила на себе в школе и при встрече с соседями, возмущали до предела. Она огрызалась, когда задавали вопросы о папе, и обрывала на полуслове докучливых знакомых. Как-то раз, увидев папу, направляющегося с сослуживицей в кинотеатр, Алекс, не стерпев, догнала его у входа, дёрнула за сумку, перекинутую через его плечо, и процедила сквозь зубы:

– Моя мама ещё жива, а ты развлекаешься с тётками, если и дальше так будешь себя вести, я её убью, и пусть меня посадят, но я не боюсь.

Папа смотрел на яростное выражение лица дочери, и ни один мускул у него не дрогнул. Она только заметила, как от злости сузились его глаза, но ответа не последовало. Сдёрнув шарф с горла, казавшийся ей тогда удушающей петлёй, сталкиваясь с прохожими, бежала прочь от папы и от всего, что так было ненавистно...

Умерла мама в больнице, рано утром. Время в их доме остановилось, и жизнь несчастной девочки тоже. Ни через год, ни через два она не смогла простить папу. «Если бы он уделял время, силы и деньги моей маме, она ещё бы хоть чуть-чуть побыла со мной», – думала Алекс. Конечно, её отец ещё интересный и крепкий мужчина. А если рассуждать по-другому? Разве это честно по отношению к больно-

му? Всё равно что поставить взрослого и ребёнка и сказать: «Сражайтесь! Кто сильнее, тот и прав».

В одном она была уверена: если бы папа оказался в такой ситуации, то мама никогда бы не променяла его на других, более здоровых и красивых. В общем, после долгих мучений Алекс пришла к выводу: мама умерла от нелюбви, от ненужности. Человек не может жить, когда чувствует себя нелюбимым.

И она перестала любить папу. В день её рождения, когда он привёл в дом ту красивую блондинку с работы, поднимая бокал с морсом, жестко произнесла:

– Вряд ли тебе нужна моя любовь, так же как не нужна была и мамина... У тебя теперь есть Лена, она будет любить за всех – за себя, за маму и за меня.

Побледневший отец поставил свой бокал с шампанским, не отпив и глотка. Видя, как задрожали его губы, подметила со злорадством: «Вот это именно та боль, что мучила маму».

Глава 3

Не успев переступить порог, женщина услышала недовольный возглас мужа:

– Неужели вернулись?! Наверное, до Москвы дошли с собакой!

Она сделала вид, что не расслышала. Муж, не получив должного сопротивления, потерял к ней всякий интерес и вернулся к телевизору. Там в очередной раз показывали боевик про супермена, спасшего в одиночку весь мир. Он искренне считал этот фильм шедевром кинематографа. Всё внутри неё восставало против этого убеждения, но оспаривать бессмысленно. Любая тема разговора неизменно приводила к очередной ссоре.

* * *

Пёрышки и агатовое зёрнышко при ближайшем рассмотрении вызвали ещё большее удивление. Окрас камня редкий! Их ещё называют пейзажными. Если взглядеться, то можно увидеть волны и далекий берег. И пёрышки под стать! Отливающие серебром, с отточенным острым гладким кончиком, они больше походили на ювелирное украшение. На концах ворсинок переливались серебряные капельки, как росинки.

За дверью послышались приближающиеся шаги. Женщина занервничала. Показывать зёрнышко и пёрышки нельзя, разговоров не оберешься!

На подоконнике росло декоративное фруктовое дерево. Плодов его никто не видел, но вымахало оно почти до половины окна и в солнечные дни укрывало от полуденной жары. Она всё собиралась подарить его кому-нибудь. Муж настаивал:

– Если это дерево – где фрукты? Всё должно приносить пользу! Чего без толку поливать. Отдай! – убеждал он её.

А ей – жаль. Вырастил-то Борька. Сам! Задание давали в школе. У всех ребят растения погибли, а у него – нет...

Только она успела поглубже воткнуть зёрнышко в землю и прикрыть ладонью пёрышки, как дверь отворилась и муж грубо окликнул её:

– Чай будешь? Я свежий заварил.

Заметив, что она не отходит от окна, уставившись на цветочный горшок, добавил:

– Чего к горшку приклеилась? Слова волшебные шепчешь? Ну, шепчи, шепчи, авось и вырастут финики на дереве! – хохотнул он и, явно довольный своей шуткой, ушёл, не дождавшись ответа по поводу чая.

Агатовое зёрнышко она так и оставила в цветочном горшке, рассудив, что в нём оно будет в целостности и сохранности. Без её ведома растение муж никому не отдаст, ему главное – указание дать. Пёрышкам нашлось место в коробочке из-под

духов. Подальше от глаз мужа.

Ночью её разбудили странные щёлкающие звуки. Приподнялась в постели, прислушиваясь, но звуки не повторились. «Во сне привиделось», – подумала женщина и, закутавшись в одеяло, уснула.

Проснулась она оттого, что кто-то тряс её за плечо. У кровати стоял муж.

– Выходной сегодня? Смотрю, лежишь, не встаёшь. Восемь утра уже. Или заболела? – в голосе мужа промелькнули нотки сочувствия.

– Как восемь утра? – вскрикнула она. – Проспала!

Схватила халат со стула и убежала в ванную. Через десять минут она уже надевала туфли в прихожей.

По пути к метро остановилась у ларька с молочными продуктами и купила творог со сметаной. Завтракать придётся на работе. Если успеет до прихода начальства.

В вагоне метро ей уступил место юноша. И она, поблагодарив, втиснулась между грузным мужчиной с большим пакетом продуктов и аппетитной барышней, которой было явно мало одного сиденья. «Надо же, как на меня подействовали события вчерашнего дня. Будильник не завела. Так и работы можно лишиться», – думала вконец расстроенная женщина. Работу, приносящую истинное удовольствие, она искала давно. Однако не решалась признаться мужу, что желает работать учителем. Звонок давней приятельницы внёс свои коррективы. В художественную школу требовался пре-

подаватель.

– Это же твоя мечта! А там и коллектив хороший. И детки прелестные. Они и в конкурсах участвовали неоднократно, и на выставках. Чего тут думать?! Соглашайся! – бурно уговаривала приятельница. – Подруга у меня там работает. Говорит, место освободилось неожиданно-негаданно, бывшая учительница к мужу на Север уехала. Смотри, кто-нибудь другой подсуется, и останешься у разбитого корыта, – продолжала уговаривать она.

Успокоив приятельницу, что серьезно подумает над предложением, сообщила об этом мужу. И получила однозначный ответ:

– Нет! Менять высокооплачиваемую работу бухгалтера глупо.

Уволилась она с работы втихаря, муж так и остался в неведении.

Глава 4

Гардеробщица в школе сообщила: директор уехал на семинар.

«Услышал Бог мои молитвы», – взбодрилась она и взбежала по ступенькам на третий этаж. Первый урок – у старшеклассников. Попросили заменить заболевшего преподавателя. Приближаясь к двери, услышала выкрики:

– Ура, урок отменяется, учительница не придёт! А давайте сами темы придумаем! Вон Леську будем рисовать. Леська, попозируешь нам?

Кто-то хохотнул. Кто-то подзадорил:

– Давай, давай! Тема: «Обнаженная натура»!

Грохнул мальчишеский смех. Женщина, отдышавшись у двери, дёрнула за ручку и решительно вошла в класс.

Смех оборвался, и ребята ринулись за мольберты. Она поздоровалась, окинула взглядом притихших учеников и произнесла:

– Тема сегодняшнего урока... – тут она взглянула на Лесю, единственную девочку в этом классе, и, увидев её пунцовые от стыда щёки, резко переменила тон. – Так, – поджав губы, повторила она, – тема урока «Натюрморт».

Раздался недовольный возглас:

– А почему натюрморт?

Не отвечая, она выложила на куб из пакета баночку сме-

таны и творог и строго посмотрела на класс:

– Вы предполагаете, очень просто нарисовать эти предметы? Тогда докажите.

Мальчишки с неодобрением взглянули на Лесю и приступили к работе. По окончании урока девушка специально задержалась в классе и спросила:

– А вы могли бы мне уделить минутку после уроков? Я хочу с вами поговорить.

День тянулся медленно, образовались два «окна», и, выйдя из школы под вечер, женщина с облегчением вдохнула вечерний холодный воздух. Леся ждала прямо на крыльце. Она кивнула ей, и они не спеша пошли в сторону парка. Видно было, как трудно девушке начать разговор. Обсудили её натюрморт и предстоящий экзамен. И вот она подошла к самому важному.

– Я совсем не могу за себя постоять. Будто каменею. Ребята считают меня недотепой. Друзей нет. Мне вроде и хочется быть в коллективе. А с другой стороны, думаю: а зачем?

Выслушав Лесю, учительница долго убеждала, как важно побороть свой страх. Исчерпав все доводы, замолчала и вдруг тихо произнесла:

– Господи, чему я тебя учу?! Мне тридцать два года, а у меня страх величиной с гору. Никак не могу покорить свой Эверест, а тебя укоряю в немощи. Прости меня, девочка. И спасибо за твое откровение.

Дома встретил довольный её возвращением Коржик. Муж придёт с работы поздно, спокойный вечер обеспечен.

Вдруг её слух уловил переливчатые звуки музыкального инструмента, доносящиеся из дальней комнаты. Она с удивлением открыла дверь и обомлела. Комната была наполнена радужными шарами, похожими на мыльные пузыри! Фиолетовые, розовые, жёлтые, голубые, изумрудные, они появлялись со всех сторон и становились из маленьких большими. В каждом угадывались размытые очертания пейзажей. Не утерпев, потрогала самый яркий шар. И он ещё сильнее увеличился в размерах, заняв собой всю комнату. Увлекаемая азартом женщина шагнула в него и оказалась на цветущей поляне. Поддавшись неподдельному восторгу, раскинула руки, запрокинула голову к небу и, закружилась как в детстве. Улыбка не сходила с её лица. Вокруг порхали легкокрылые бабочки, кузнечики наперебой стрекотали в траве, жужжал хор шмелей. Женщина сорвала одуванчик и подула на его белую пушистую шапочку. Ветерок подхватил парашютики и понёс их вдаль. А ей припомнились строки: «Одуванчик из бездны зеленой полетел не дыша в голубую».

* * *

«Ничего страшного со мной не произошло, – придя в себя от необычного перемещения, подумала женщина, оказавшись вновь в комнате, – а почувствовать себя ребёнком очень забавно!» Музыка стала стихать, и всё исчезло. Она недоуменно окинула взглядом комнату. Откуда могли взяться воздушные картины? Странно. Её взгляд упал на подоконник: на растении появились плоды! Два клементина. Но не съедобные, а драгоценные агатовые!

Она дотронулась до одного. Клементин качнулся, издав бархатное звучание ксилофона. И сию минуту оказался в её ладони. А комната вновь заиграла красками радужных шаров. Она вздрогнула от неожиданности. Точно такие же звуки женщина слышала ночью. «Значит, не привиделось», – догадалась она.

Прикоснуться к тайне – захватывающее действие. Устоять невозможно! И выбрала шар, где плещутся волны...

Пенистые волны океана раскатисто накатывали на теплый песок и, шурша, отступали назад. Она шла босиком по берегу, наслаждаясь своими ощущениями. Берег был пустынным. Женщина села на песок и только тут поняла, что всё это время сжимала в руке агатовый клементин. Частичка дома принесла уверенность, что с ним она сможет вернуться. И вдруг подумала: «А надо ли?» Здесь, в неизвестном месте, куда она попала чудесным образом, ей совсем не страшно. А дома она чаще всего испытывает почти животный страх. Что же с ней случилось?

– Агата, – вдруг услышала она чей-то величавый, тягучий голос. Женщина от неожиданности вздрогнула.

– Агата, не пугайся. Это я говорю, – повторил тот же голос.

– Кто – я? – испуганно переспросила женщина, озираясь.

– Я. Океан!

– Океан? – она порывисто выдохнула, и громкое биенье сердца заглушило собственное дыхание.

– Успокойся, Агата. Я не причиню тебе вреда.

Она кивнула и спросила:

– Почему ты называешь меня Агатой? Меня зовут иначе.

– Это твое имя здесь. В Стране Молчания.

* * *

Борька подсчитывал свои баллы – 4999! Недотянул всего лишь один балл! А мог бы перемахнуть с одного задания на другое.

Баллы набрать можно любым способом. Выполнил правильно задание – получай. Научился новому – тоже. В кафе, на прогулке – везде начислялись баллы. Чем больше у тебя баллов, тем больше возможностей исполнения желаний! Вот только и вычитались они с такой же скоростью за нарушения. Всё строго, но справедливо – не подкопаешься.

Сняли с него баллы ещё и за то, что использовал волшебные пёрышки и превратил тыквенное семечко в агатовое. И вдобавок оставил их маме. Это самовольство. Он не имел права действовать, так как проходил учебу у Мага Мысли. Наблюдай, размышляй, анализируй, но не действуй.

Задание от Мага Дела может прийти в любую минуту, но сидеть в комнате и ждать невыносимо. Тем более у него намечена встреча с Алекс на корте.

Девочка уже разминалась и, увидев его, широко улыбнулась и помахала рукой. Борька перемахнул через невысокое

заграждение, взял ракетку и подошёл поздороваться. Приблизившись, заметил, как печальны её глаза.

– Алекс, у тебя всё в порядке?

Девочка отвела взгляд. Борька смутился. Ему хотелось, чтобы Алекс была с ним откровенна, но, видимо, пока не заслужил.

– Давай начнем игру, – попросила Алекс.

– Я готов.

Игра не заладилась, Алекс пропускала один мяч за другим. Борька нервничал. Все его мысли занимал вопрос: чем он может помочь девочке?

Неожиданно разразился гром. И дождь, последовавший за ним, превратился в сплошную стену, загородив от него Алекс. На дождевой стене высветились оранжевые буквы задания и время на его выполнение. Борька прочитал и покачал головой. Трудно. Очень. Но задания не обсуждаются, задания выполняются.

Как только в голове промелькнула эта мысль, на его носу оказались Рыжики, так ребята за глаза называли Рыжие очки. Борька задохнулся от восторга. Доверили! Он выставил время окончания задания на наручных часах, выданных Лупоглазиками вчера, и нажал на выпуклое мягкое стекло на циферблате.

Герберт задерживался на работе несколько недель подряд. Домой ноги не несли. Всё повторялось. Когда болела жена, возвращаться не спешил. Сейчас нет желания мчаться к любимой молодой женщине. Любимой ли? Он сжал ладонями голову и закрыл устало глаза. Всё чаще снилась его жена. А ещё чаще – дочка, которую он не может разыскать больше года. Никто не поверил его рассказам, что она исчезла из дома, не выходя из него. Но заявление приняли и розыск объявили. Скучал по дочке так, что выть хотелось. Но жена во сне его не укоряла. Он читал в её взгляде: «Жди. Надейся. Люби». И он ждал, надеялся и любил.

Метро уже закрылось, и он пошёл пешком. Такси брать не стал, погода тёплая. На выходе из сквера заметил подростка, одиноко сидевшего на скамейке, в руках мальчишка держал очки. Он посмотрел по сторонам, взрослых поблизости не оказалось. Герберт разволновался: «Время позднее, а мальчик один», – подумал он и подсел к нему.

– Ты чего в одиночестве скучаешь? Может, помощь нужна?

– Я из дома сбежал, – ответил мальчик.

Герберта от таких слов обдало жаром.

Он обнял паренька и сочувственно спросил:

– Невмоготу было? С родителями поссорился? Или дру-

гая причина?

Мальчишка шмыгнул носом:

– Родители ругаются друг с другом почти каждый день.

Устал. Хоть на край света беги...

– Край света, – задумчиво повторил мужчина.

История мальчика расстроила Герберта. И он, умудрённый опытом мужчина, вдруг осознал: ничем помочь он этому пареньку не может. Сам оказался в ситуации не лучше.

– Возвращаться-то думаешь?

Мальчик отрицательно мотнул головой.

– А куда же ты теперь?

– Не знаю.

– Мда-а-а, – протянул Герберт. – А ответ-ка ты мне, но только начистоту. Как, по-твоему, должны поступить родители?

Тут Герберту показалось, будто он услышал звучание ксилофона, и он оглянулся. В парке никого, кроме них, не было.

– Ну, так что скажешь? – повторил он, но ответа не последовало. Повернувшись, мужчина от удивления привстал со скамейки и обеспокоенно стал крутить головой. Мальчик пропал. Таким же непонятным образом исчезла и его Алекс! Тревога нарастала вместе с бессилием.

Он ещё раз глянул на скамейку и увидел очки. «Чудные», – подумал он. Линзы у очков толстые, ярко-рыжего цвета. А сама оправка гнётся во все стороны и растягивается как резина...

– Какие-то безразмерные очки, – пробормотал мужчина, рассматривая их. И из любопытства примерил на себя. Взглянул на вечернее небо и увидел, как звезды выстроились в слова: «Всего лишь попросить прощения у меня!» – прочитал он.

– Так это ответ мальчика! – воскликнул Герберт. Он отрёшенно опустил на скамейку, снял очки и, окинув взглядом ставшее пустым небо, задумчиво вслух произнёс: – Как же мне вернуть очки тебе?

И после этих слов они бесследно истаяли.

* * *

Борька сиял! Задание выполнил на пятьсот баллов! Об этом ему сообщили очки, вернувшиеся к своему владельцу. Надев их, увидел на своей ладони светящиеся цифры и подпрыгнул от радости.

Алекс простит папу и полюбит его. В словах прощения заключена таинственная сила. Однако надо помнить! Это не просто «слово» – это клятва! Если ты поступаешь в следующий раз точно так же, то нарушаешь данную тобой клятву. И сыплются на человека проблемы и невзгоды, а он всё удивляется: «Чем заслужил?»

Взрослые – странный народ. «Перед своими детьми извиняться бессмысленно и унижительно», – думают они и отделяются фразой: «Вот подрастёшь и всё сам поймёшь». Но

ведь ребенку плохо сейчас! Почему мы, дети, должны ждать, когда придёт дурацкое «потом»? Вы считаете себя такими умными, уважаемые взрослые, а найти подходящие объяснения для нас не можете. И друг для друга не можете! – горячо рассуждал мальчик, спеша на встречу с Лупоглазиками.

Глава 5

Принять разуму «мистическое» всегда сложно. Она, конечно, читала в книгах о параллельных мирах, о реинкарнациях и о многих захватывающих её воображение странностях, но то в мыслях. А как брать на веру то, что ты разговариваешь с океаном? Ведь не сумасшедшая же она! Опять же, если быть честной, мечтала о приключениях. А говорят, мечты не сбываются!

Имя, данное ей Океаном, понравилось. Яркое, звучное и сильное. Она не совсем уверена, что соответствует этим определениям. Но спорить глупо, тем более с ним.

Океан она видит впервые в жизни! И он совсем не похож на море. Со всех сторон бурлящие волны. Слышно, как песчинки переговариваются между собой, когда волны возвращаются в океан. Есть в нем что-то безумное, неукротимое, своевольное. И до одури хочется подражать ему. Вопреки всему, как эти волны, взлететь вверх и обрушиться каскадом на свой страх, который так ей противен.

– Сила моя в ответственности, – будто подслушав её мысли, шумно вздохнул Океан. – Я большой, и в моей защите нуждаются. Имею ли я право поддаться страху? Я себе этого позволить не могу. Можно притвориться, что ты смел, но страх коварен и имеет много обличий. Он прячется за жалостью, за стыдом, ложью. Обретает черты тщеславия. И да-

же предстает в облике лени. Ты своими руками построила тюрьму и добровольно себя заточила. Освободиться непросто. В оковах страха привычнее. И всегда найдутся оправдания. Обличия помогут. Твоя беда в угоде всем. Поразмысли над этим.

Агата слушала и чувствовала, как внутри неё зарождается неприязнь. Кому приятны поучения? Не ребёнок ведь. Но голос Океана странным образом воздействовал умиротворяюще. Океан умолк.

У неё возникло острое желание раздеться и войти в воду. Рокочущие, пузырящиеся волны сбили её с ног. Она упала, и вода накрыла с головой. Отхлынув, они позволили ей встать. И снова удар! И вновь она не устояла. Но желание покорить волны не ослабло. Наоборот, укрепилось. И те словно приняли её вызов. Они неслись на неё с такой быстротой, с такой разъяренной силой, что Агата зажмурила глаза. Но не отступила и, казалось, вросла в песок. И, неожиданно для неё, удара не последовало. Волна откатилась назад, не достигнув ног, и она от радости закричала. Её крик подхватили чайки и появившаяся невдалеке стая дельфинов. Агата помахала им рукой, как добрым друзьям. И они поприветствовали её, выпрыгнув из волн плавными дугами.

Натянув платье, она опустилась на песок и приготовилась к новому разговору с Океаном. Время шло, но Океан молчал. От скуки она стала разглядывать выброшенную волнами на берег раковину, схожую окрасом с клементином, и только

тут вспомнила про него. Клементин оказался в кармане платья. Пора возвращаться. Она достала его и тихонько подула на драгоценный камешек.

* * *

Раздался звук ключа в замочной скважине. Пришёл муж. Она вышла к нему навстречу и, спокойно глядя в глаза, произнесла:

– Нам после ужина надо поговорить.

Муж удивленно вскинул брови.

– Я считаю, что нам необходимо пожить отдельно друг от друга, – сказала она, как только ужин подошёл к концу. – Пока я не говорю об официальном разводе, но, если ты не приемлешь такой вариант, я готова рассмотреть и его. У меня есть возможность переехать к подруге. И уезжаю я сейчас. Коржик поедет со мной. За вещами приеду завтра, – она встала, прошла в прихожую, надела пальто и, взяв на руки таксу, вышла из квартиры.

Мужчина, не ожидавший такого поворота событий, продолжал сидеть за столом и, как только захлопнулась дверь, он с пробудившейся яростью одним движением смахнул всю оставшуюся посуду со стола.

Глава 6

Прошла неделя, а заданий от Мага Дела ни одного! Борька недоумевал. Почему? С Алекс встречался редко. Подружка получала задания почти каждый день, и Борька предчувствовал: близится время расставания. Мальчик подошёл к столу-экрану. Тут же над ним возник золотой шнурок. Он дёрнул за него, и Лупоглазик появился.

– Заждался? Твое задание у Алекс. Беги, она ждёт у озера.

Борька, не дослушав, понёсся к озеру. Алекс сидела в гамаке и читала. Он дождался, когда она закончит, и подошёл к девочке, та радостно вскочила.

– Боря, мне так не хватало тебя!

– Правда? – оживился он.

– Я очень много работала над собой. Маг Дела завалил меня заданиями. Но я не жалею.

– А что у тебя в руке? – поинтересовался он.

– Это письмо от папы. Самое лучшее письмо в моей жизни, – дрогнувшим голосом произнесла девочка. – Я хочу, чтобы ты его прочитал. Держи.

Борька взял листок и попросил разрешения остаться одному. Алекс понимающе кивнула:

– Я буду на корте тебя ждать.

Оставшись один, уселся в гамаке и развернул листок.

Отец Алекс не только просил прощения у дочери за маму,

он описывал свои переживания в разлуке. Борька покачал головой: «Слишком тяжёлое испытание для девочки».

Алекс, как и обещала, ожидала на корте, вяло отбивая мячи о стену.

Борька протянул письмо.

– Я хочу вернуться и боюсь, – забирая его, произнесла Алекс.

– Чего?

– Что любовь я могу спутать с другим чувством. Здесь, вдали от папы, я, конечно, скучаю. Но вдруг дома нахлынувшие воспоминания встревожат вновь? И я пойму, что это была только жалость к нему.

Борька взял за руку девочку и с жаром произнёс:

– Я помогу тебе! Не знаю ещё как, но помогу. Ты мне веришь?

Она подняла заплаканные глаза:

– Верю.

Ночью Борька не мог сомкнуть глаз. Письма доставить сюда невозможно. Так же как и отправить. На то и Страна Молчания. Каждый, разлучаясь со своей семьей, остаётся по разные стороны. И должен разобраться самостоятельно, в одиночестве, со своей бедой. И каким образом письмо оказалось здесь – загадка. К тому же неясно, для чего Маг Дела привлекает его для помощи Алекс.

Вдруг он увидел, что сам собой вспыхнул стол-экран. Он соскочил с кровати. На экране возник парк. По дорожкам

прогуливались люди, мальчишки катались на скейтах. А вот кто-то рисует. Женщина обернулась и посмотрела прямо на него. Это была мама!

* * *

Она еле дождалась выходных, чтобы с мольбертом отправиться на пленэр в парк. Приглашала подругу, но та отказалась. Поспать любит, соня. И она позвонила своей ученице Лесе. Девочка серьёзно занималась поэзией и флористикой, и им было о чем поговорить.

Осенний пейзаж на мольберте Леси восхитил её.

– А что это за фигурки? – спросила она у Леси.

– Это вы с сыном. Я, конечно, никогда его не видела.

– Спасибо, милая, – растрогалась женщина.

– А хотите, я подарю его вам?

* * *

Борька, не отрываясь, смотрел на экран, и слезы наворачивались на глаза. Он бы сейчас всё отдал, чтобы обнять маму.

Лишь возникла мысль о возвращении, как в его руках оказались Малахитовые очки. Лупоглазик, улыбаясь во весь рот, сообщил с экрана, что его пребывание в Стране Молчания

закончилось и он может вернуться, стоит только надеть магические очки. Борька собрался уж благодарить Лупоглазика, но тот продолжил:

– Я обязан тебе сообщить. Если ты желаешь помочь Алекс, отдай ей Малахитовые очки, они пробудят любовь к отцу. Ты же останешься в Стране Молчания. Выбор за тобой.

Последние слова Борьку привели в оцепенение.

Алекс проснулась от стука в дверь. На пороге стоял Борька и протягивал ей переливающиеся изумрудным светом очки:

– Ты должна их надеть прямо сейчас! – приказным тоном сказал он ей.

Девочка открыла было рот, чтобы спросить, как они оказались у него. Но Борька оборвал:

– Ничего не спрашивай, так надо. – И настойчиво повторил: – Надевай.

Алекс неуверенно взяла очки.

Борька запомнил её благодарный теплый взгляд и мягкую улыбку на прощанье.

Лупоглазик ожидал в комнате, сидя на кровати. Увидев его, Борька бросился к нему и зарыдал.

Человечек гладил его по голове, утешая:

– Ты поступил правильно. Как настоящий мужчина!

– Настоящие мужчины не плачут – всхлипнул мальчик.

– Ошибаешься, плачут только настоящие мужчины. Я понимаю, ты потерял своё право вернуться. Но поверь мне, всё

ещё возможно.

Глава 7

Подруга сразу предложила повесить картину у неё в комнате.

– Вот это место самое подходящее. Просыпаешься, и мигом настроение улучшается. Как думаешь, Агата?

Агата, улыбнувшись, согласилась. А та, притащив перфоратор, лихо просверлила дырку в стене и вкрутила шуруп. Агата покачала головой, позавидовав. Она так не умеет. Вот бы подруга Борьку научила, а то сколько стыдила мужа, на всё один ответ: «Сыну не интересно, а бегать за ним не собираюсь. Меня отец ничему не учил, своим умом до всего дошёл. А ты из него девчонку сотворила! Книжки читает, песенки мурлычет да у плиты стоит!» – ядовито парировал он и, всякий раз хлопав дверью, уходил курить на лестничную площадку. Она тихо вслед бросала: «Чего умею, тому и научила. И делает он это с удовольствием».

– Агат, посмотри, прямо висит? – окликнула подруга.

– Вроде.

– Прекрасно. А теперь чай пить. Я в твоё отсутствие ва-трашки испекла. Ещё горячие.

Только подруге она рассказала всё от начала и до конца. Не удержалась. Да и поделиться с кем-то хотелось. Из дома она успела прихватить клементин и голубиные пёрышки, как два слабых доказательства её слов. Подруга сделала вывод,

что она «избранная» и ей несказанно повезло. И предложила оставить имя Агата.

– Неспроста нарекли тебя этим именем, что-то это да значит.

Ночью не спалось. Несколько раз принималась считать динозавриков. «Считать овечек менее увлекательно», – изрек философским тоном когда-то её шестилетний сын. Она прыснула в подушку.

Сын научился читать в пять лет и взахлёб читал всё подряд. Добрался и до энциклопедий. Вспыхнула переполняющая любовь к реликтовым животным и без остатка «поглотила» Борьку. Динозавры поселились в их квартире во всех видах: из пластилина, конструктора и во всю высоту стен на обоях. Коверкая язык, она старательно выговаривала названия динозавров. Из множества сын выделял две самых любимых особи: с гребешком на спине и летающего динозавра с крыльями как у самолета! Борька бегал по квартире, махая руками, и издавал, как ему казалось, устрашающие горловые звуки: «Мама, я хотел бы иметь вот такие большущие крылья! Я хочу быть человеком-птицей!» Агата смахнула набежавшую слезу. Спать расхотелось совсем. Женщина зажгла ночник. Слабый свет упал на картину. Часть её оставалась в темноте, та часть, где были нарисованы они с Борькой. Отчего-то стало неприятно смотреть на тёмное пятно. Она встала и подошла вплотную к картине.

Неожиданно пришла в голову абсурдная мысль, и, побо-

явшись, что рациональное мышление может её отогнать, порывистым движением открыла ящик комода и вынула коробочку, где лежали голубиные пёрышки. Острые кончики пера легко проткнули холст, и два больших крыла распростёрлись за спиной сына. Агата тихо прошептала:

– Лети, сынок, лети.

* * *

Крепко держась за руки, они шли по парку и пинали опавшие листья. Ворох разноцветных листьев разлетался в разные стороны. Пряный хмельной запах ударял в голову весельем. Они нагребли «стог» и упали с хохотом в него. Бархат сухих листьев щекотал лицо. Женщина безмятежно улыбнулась такому простому счастью.

– Мама, я хочу увидеть отца, – осторожно начал Борька.

– Конечно, сынок. Думаю, папа обрадуется.

Квартира встретила тишиной и запустением.

– Мама, отец уехал навсегда? – обеспокоенно спросил сын. Она оставила вопрос без ответа и прошла в спальню, Борька за ней. На подоконнике на своем месте стояло фруктовое дерево, она бросила на него взгляд, и улыбка тронула губы. Последнего клементина на ветке не оказалось.

Агата прижала сына к себе и шепнула:

– Папа обязательно найдёт дорогу к нам. А мы будем его ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.